

буза
ГАМАУС

В ШАГЕ ОТ
ИЗМЕНЫ

Лиза Гамаус

В шаге от измены

<https://litres.ru/74216067>

SelfPub; 2026

Аннотация

Люся — женщина, которая привыкла всё контролировать. Она актуарий в крупной страховой, она считает риски, она знает, что вероятность случайностей стремится к нулю. Но когда она застаёт своего мужа Андрона в четыре утра в гостевом туалете с телефоном в руке, её мир рушится. Андрон говорит, что успокаивает соседку — одинокую миллиардершу Анжелу Королькову. А она, Королькова, в ответ переводит ему пятьдесят тысяч за «консультацию».

Содержание

Глава 1. Звонок	4
Глава 2. Я начинаю	13
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Лиза Гамаус

В шаге от измены

Глава 1. Звонок

Я просыпаюсь от странного шороха. Протягиваю руку на сторону, где обычно лежит Андрон. Пустота. Потом ногу. Никого.

На часах четыре утра.

Я вскакиваю так резко, что халат путается в ногах. Где он? Прислушиваюсь к тишине, которая слишком подозрительна. Как будто весь дом затаил дыхание. Мои босые ноги бесшумно ступают по паркету, но внутри меня — барабаны паники.

В туалете в спальне его нет. Шум раздаётся где-то здесь, не на первом этаже. Крадусь в гостевую и вижу свет в ванной комнате.

Яркая щель за закрытой дверью.

Прислушиваюсь. Да, голос мужа доносится оттуда. Подкрадываюсь и резко распахиваю дверь туалета, почти задышавшись от возмущения, потому что в голове не просто подозрения, а какой-то необузданный уже ужас.

Андрон сидит на толчке с телефоном. Поднимает на меня глаза, говорит в телефон: «Прости, пожалуйста, я перезво-

ню позже», нажимает кнопку и устремляет свой нахальный взгляд на меня.

Я стою и хлопаю глазами.

— Это Анжела, — говорит Андрон.

У меня в голове начинает стучать дятел, а щёки вспыхивают ярким пламенем.

— Королькова? — делаю я уточнение деревянными губами.

— Да. Мне её очень жаль, — отвечает он с явным сожалением, — она так одинока, ей не с кем поговорить.

Я ждала чего угодно, но не настолько же откровенно! Чуть не описалась.

— И давно у вас с Корольковой? — продолжаю я уточнять.

Белокурая Королькова постоянно прикидывается несчастной, одинокой, никому не нужной женщиной, потому что ей не везёт в любви.

За плечами у неё два брака, оба раза мужа уходили к другой, детей у неё нет, работать она нигде не может из-за стресса, интриг и сложного характера. Ей, типа, грозит пожизненная депрессия в этом чёрством холодном мире.

Единственное её достоинство состоит в том, что эта с*ка безумно, в самом прямом смысле слова, богата. А жить продолжает в нашем СНТ только потому, что здесь хотя бы иногда есть с кем поздороваться, и второй муж, который ей оставил этот дом, действительно построил офигенный коттедж с

бассейном и бесподобным садом.

Она ездит на крутых тачках с водителем Славой. Молчаливый, как рыба, и такой же непроницаемый. Митюхина, наша главная сплетница, мечтала разговорить его и прославиться в веках. Но Слава оказался крепче гранита и молчаливее статуи. И теперь у нас легенда: Митюхина проиграла Славе. Бедная Ленка, она до сих пор не может себе этого простить.

Я стою босиком на холодном кафеле, и чувствую, как кровь отливает от лица и приливает обратно волнами. Как будто кто-то внутри меня играет в морской прибой.

Андрон продолжает сидеть голой задницей на унитазе, смотря на меня с наглой, расслабленной улыбкой, которая обычно появляется у него перед тем, как он скажет что-нибудь невыносимое.

— Ты чего застыла, Люсь?

— Я тебя спрашиваю: какого х*ра ты сидишь в гостевом туалете в четыре утра и жалеешь Анжелу Королькову? Она тебе кто?

Он вздыхает, закатывает глаза и наконец встаёт. Телефон он держит в руке, но не прячет.

— Она мне соседка, — говорит он таким тоном, будто объясняет ребёнку, что нельзя вылавливать фрукты из кувшина с компотом рукой. — Она позвонила в истерику. Я вышел в коридор, чтобы тебя не разбудить, зашёл сюда, уселся. Что тут такого? Она рыдала. Я успокоил. Всё.

— Чужая баба тебе звонит в четыре утра, Андрон! Рыдает, — как бы мне самой не зарыдать.

Андрон усмехается и проводит рукой по лицу.

Хочется треснуть тапком по его смазливой роже, но я босая.

— Человек в отчаянии, — говорит он тихо, с чувством. Прирождённый лицедей. — Я знаю, что такое просыпаться и понимать, что некому позвонить. У неё никого нет, кроме нас. Ты же знаешь. Ты сама в прошлом месяце говорила, что жаль её, даже если она невыносимая.

«Жаль» — удобное словечко. Как презерватив для совести. Защищает от последствий.

Я выхватываю у него телефон и ору:

— Открывай переписку, с*ка!

Но мне хватает мозгов самой её открыть, несмотря на жуткий нервяк. Пальцы дрожат, но работают. Читаю вслух:

«Андроша, спасибо за ночной разговор, ты чудо. Я перевела тебе 50 тысяч за консультацию, не отказывайся, у тебя талант, открой частную практику»».

— Я не просил! Я думал, она шутит! — оправдывается муж.

Он хватается за телефон, находит перевод и вздыхает с облегчением. Как человек, который понял, что его не убьют. Пока.

— Пойдём завтра к ней вместе, вернём деньги и скажем: «Извините, мадам, наш брак дороже пятидесяти тысяч». Я не её любовник, Люся. Я её последняя соломинка в этой жиз-

ни.

Как же он умеет придуливаться! Соломинка!

— Не делай из меня дуру, — опять ору я, — и не тани меня в свою лживую тряси́ну! Я не верю ни одному твоему слову! Ты на часы смотрел? Никакой наглости не хватит звонить в такое время посторонним людям, да ещё и семейным.

— Люсь, я тебе объяснил. Она позвонила, я ответил, я успокоил. Точка.

— Ты ответил в четыре утра, — перебиваю я. — Ты не взял трубку в одиннадцать вечера, когда я ещё не спала и могла бы слышать. Ты не перезвонил утром. Ты встал в четыре и пошёл в гостевой туалет, чтобы с ней говорить без свидетелей.

Он поднимает брови.

— Потому что не хотел тебя будить.

— Андрон! — ну, всему же есть предел! — Ты знаешь, что я просыпаюсь от любого шороха. Я же нашла тебя. Значит, ты хотел, чтобы я нашла. Или подсознательно, или намеренно. Какой вариант?

Он молчит. Потом поднимает глаза — в них нет наглости, есть что-то другое. Усталость. Или облегчение. Или страх. Сам запутался.

— Я не спал уже час до звонка. Лежал и думал о том, что наш брак превратился в отчётность. Ты проверяешь меня, как цех на своём заводе. Какой регламент, какие сроки, какая зарплата, какие показатели. Я — не муж, я — статья расхода,

точнее, дохода. А тут звонок. Женщина плачет и говорит: «Андроша, мне плохо, я одна». И я чувствую, что я нужен. Не как добытчик, не как исполнитель, не как подозреваемый. А как человек.

Но это же бред! Я молчу. Он что, нашёл отдушину в чужой женщине, потому что я заставляю его отчитываться за деньги? Но ведь деньги — это общее! Или он хочет, чтобы я не знала, сколько он зарабатывает и сколько тратит? Чтобы я просто сидела дома и радовалась всему, что он приносит в клюве?

Я молчу.

У нас кризис?

— Анжела не требует от меня отчёта. Она просто рассказывает и плачет. А потом благодарит. И больше ничего не надо. Понимаешь? Ничего не надо.

— Кроме пятидесяти тысяч, — добавляю я.

— Я, блин, не просил, Люся! Я даже не знал, что она перевела. Это как если бы тебе заплатили за то, что ты дышишь.

Я сползаю по стенке. У меня нет аргументов. Если бы я была мужиком, то врзала бы ему со всей силы, чтобы он ударился об умывальник и валялся с сотрясением мозга, как минимум. Но я не могу этого сделать. А что я могу?

— Хватит сидеть, — наклоняется Андрон, — пошли спать.

— Иди. Я тут посижу.

— Люся!

— Иди, я сказала. Не хочу спать со лжецом.

Знаю, если останусь в гостевой и уступлю ему нашу кровать, получится, что я как будто проиграла. Ну, не обниматься же с ним сейчас под одним одеялом.

Андрон уходит. Я слышу его шаги, потом скрип двери в нашей спальне. Он ложится. Я остаюсь одна. В гостевой. С телефоном, который я всё ещё сжимаю в руке.

Троепольский — хитрая умная скотина, которую голыми руками не возьмёшь. Со скандалом я пока повременю.

Но я знаю одно: завтра я не пойду к ней возвращать деньги. Завтра я начну копать. Потому что в этом мире всё имеет цену. И мой брак не должен быть продан за пятьдесят тысяч. Да хоть за пятьдесят миллионов чего-то там.

Она не знает, что разбудила не просто женщину. Она разбудила сыщика.

Дорогие читатели!

Предлагаю новую повесть из серии СНТ "Дельфин"

Книги серии, которые вышли раньше, здесь

<https://www.litres.ru/book/liza-gamaus/intuiciya-protiv-izmeny-73573818/>

<https://www.litres.ru/book/liza-gamaus/zerkalo-izmeny-73745209/>

<https://www.litres.ru/book/liza-gamaus/izmena-kak-bonus-74092959/>

буза
ГАМАУС

ЗЕРКАЛО
& ИЗМЕНЫ

Глава 2. Я начинаю

В десять утра мир снова включается, как телевизор моего деда Васи, который нужно было пару раз стукнуть, чтобы заработал. Летнее солнце лезет в щели штор.

Я лежу на гостевой кровати и перебираю версии, как чётки у монахини, которая внезапно увлеклась криминалистикой. Два сценария, две дороги, два возможных финала.

Похоже на один известный фильм, где герой стоит на перекрёстке и выбирает, какую таблетку проглотить. Только у меня не волшебные таблетки, а жизненные пути.

Версия первая, она же «Королевская партия»: Андрон — самовлюблённый придурок, который не понимает, что его решили зачем-то использовать. Королькова — манипуляторша с деньгами, томящаяся от безделья и коллекционирующая мужиков, как почтовые марки. Опять вспоминаю деда и его бархатный альбом.

Или у неё ещё какая цель, о которой я не знаю. Не исключаю.

Энергоёмкая версия. Требуется постоянного надзора, проверок, ночных рейдов и сохранения лица.

Версия вторая, она же «Слезливая драма»: Королькова действительно одинока. Плачет в четыре утра не для эффекта, а от боли. Андрон — единственный, кто её может слу-

шать, потому что у него, видите ли, чуткая душа. Особо не замечала за ним такого, если что.

Я — ревнивая жена, которая видит измену там, где её нет.

Самая слабая версия. В итоге имеет все шансы закончиться так же, как и первая — изменой.

Потому что если долго смотреть на красивую холёную бабу с деньгами, которая плачет, то можно влюбиться. А если долго смотреть на свою жену, которая анализирует, то можно и сбежать.

Я встаю. Ноги не слушаются, но я заставляю их идти на кухню. Это моя территория. Здесь я варю кофе, здесь я решаю судьбы мира. Сегодня я варю кофе с особой тщательностью. Вдумчиво.

Андрон появляется через полчаса. В японском халате на голое тело. Взъерошенный. Хитрый. Сонный. Смотрит на меня и улыбается той самой улыбкой — наглой, расслабленной, будто ночного кошмара и не было. Будто он не сидел голой задницей на унитазе и не успокаивал соседку.

— Доброе утро, Люсь, — он тянется, хрустит шеей, садится за стол. — Пахнет вкусно. Ты уже не злишься?

Я ставлю перед ним графин с водой и хрустальный стакан. Смотрю сверху вниз, как царица. Та ещё царица.

— Я никогда не злюсь, Андрон. Я анализирую. Это хуже.

Он хмыкает, пьёт воду, смотрит на меня поверх стакана. У меня проблема с ним ещё в том, что он, тварь, красавчик. Это всегда обезоруживает, но я, в принципе, научи-

лась стойко переносить такие вызовы природы. Пусть смотрит как угодно.

— И к чему пришёл твой анализ?

Я сажусь напротив, складываю руки на столе.

— К тому, что ночной звонок — это симптом. Вопрос: чей? Корольковой, твой или наш общий?

Он вздыхает, ставит стакан, теребит пояс халата. Нервничает. Или притворяется. С ним никогда не поймёшь.

— Кстати, — говорю я, пытаюсь застать его врасплох, — если ты такой сердобольный, почему ты решил помогать именно Корольковой? Почему не Ленке Митюхиной, например? У неё же тоже вечные проблемы. Она тоже плачет по ночам. Или у неё недостаточно красивая внешность для твоей благотворительности?

— Вот думаю, на что потратить честно заработанные деньги от консультации?

— А ты их копи, — срываюсь я. — На новый японский халат, например.

Так себе шутка.

Выхожу из кухни. Не готова начинать скандал. Такое впечатление, что он только этого и ждёт. Напоминает ребёнка, который хочет, чтобы на него накричали, потому что это внимание. Королькова наверняка уже в курсе, что я его застукала. Она тоже готовится: либо к моему звонку, либо к визиту.

Что им нужно? Что Корольковой нужно от моего мужа?

Это не просто вопрос. Это задача со звёздочкой.

Я беру телефон. Набираю Митюхину.

— Лен, привет. Ты занята?

— Ой, Люсь, привет! Я как раз хотела тебе позвонить! — голос у неё журчит, как фонтан в дворцовом парке после реставрации. — Ты знаешь, я вчера видела водителя Корольковой Славу! Он стоял у её дома и разговаривал по телефону! Я остановилась случайно за углом и всё слышала!

Митюхина не может смириться с поражением. Она ждёт реванша за то, что не смогла его разговорить. Ей надо вытащить Славу на беседу. Это, кстати, мне на руку. Пусть она думает, что охотится за сплетнями, а на самом деле работает на меня.

— И что же ты слышала?

— В том-то и дело. Я поэтому тебе и хотела звонить. «Хорошо, — говорит, — понял. С Андроном мне всё понятно».

— Каким Андроном? Моим? — переспрашиваю я, чувствуя, как в груди разливается холод.

— Не могу сказать. Фамилию не произносил, — завершает Митюхина свою новость. Она явно наслаждается моментом. Кошка, которая принесла мышь и не знает, что с ней делать.

— Ты не особо пока распространяйся, — говорю я, стараюсь сохранить лицо. — Андронов на свете много. Проверить надо, про какого Андрона они разговаривали.

Вру. Я знаю, что про моего. Но мне нужно, чтобы Митю-

хина продолжала копать.

— Вот скажи, — перехожу я к главному, понижая голос до доверительного шёпота, — ты знаешь что-то про Королькову, чего я не знаю?

Митюхина замолкает. Слышно, как она переводит дыхание. Я знаю этот звук. Сейчас будет бомба.

— Ну-у... — протягивает она. — Есть кое-что. Но ты не рассказывай, что от меня.

— Обещаю, — говорю я, и мысленно скрещиваю пальцы. Потому что обещать Митюхиной — это всё равно, что обещать себе не заказывать маскарпоне в хорошем кафе. Бесполезно.

— Ты знаешь, почему её второй муж ушёл? Хоккеист? Все говорят — к другой. А на самом деле... — она понижает голос до шёпота, который слышен даже в соседнем СНТ, — он ушёл из-за Славы. Потому что Королькова и Слава — не просто водитель и хозяйка. Они, говорят, были любовниками ещё при втором муже. И муж узнал. И ушёл в ярости. Но дом оставил, потому что Слава ему угрожал. Он был не просто водитель, Люся. Он был... ну, ты понимаешь. Тот, кто решает вопросы.

Я молчу. В голове картинка: Слава, молчаливый, как рыба, и вдруг — любовник. Ну, рыбам тоже нужна любовь.

— И Слава до сих пор с ней? — уточняю я, хотя уже знаю ответ.

— Живёт в гостевом доме! Я своими глазами видела, как

он оттуда выходит по утрам! А она при всех делает вид, что он просто водитель. И все молчат, потому что боятся. Я одна, дура, лезу. Но я ничего не боюсь.

Жизненное кредо Митюхиной — отдельное психологическое ответвление. В принципе, люди разные нужны. Одни — чтобы бояться, другие — чтобы их боялись, третьи, четвёртые и так далее.

Я благодарю Ленку, кладу трубку и возвращаюсь на кухню. Андрон моет кружки, напевая что-то дурацкое.

— Андрон, — говорю я, опираясь на дверной косяк. — Слава — не водитель. Он её муж. Или бывший. Или что-то среднее.

Андрон замирает с кружкой в руке. Поворачивается медленно, как в замедленной съёмке.

— Что?

— Он живёт в гостевом доме. Они были любовниками при втором муже. Муж ушёл, потому что узнал. Слава угрожал. И теперь он — «водитель», а на самом деле — хозяин положения.

Андрон ставит кружку на сушилку. Медленно вытирает руки. Смотрит на меня с выражением, которое я не могу прочитать. Может быть, удивление. Может быть, страх. Может быть, он просто думает, как теперь объяснить, что он тоже знал эту историю, но «забыл» сказать.

— Люсь, — говорит он наконец. — Ты уверена, что хочешь лезть в эту историю? Она пахнет не просто изменами.

Она пахнет чем-то более серьёзным.

— Я уже в ней, — отвечаю я. — С того момента, как ты сел голой задницей на унитаз и я прочитала «Андроша».

Он вздыхает. Правда не только в том, кто с кем спит. Правда в том, почему я продолжаю стоять на этой кухне и смотреть на человека, который врёт мне, что бы я не спросила.

А может, я сама хочу, чтобы он врал? Потому что правда может оказаться хуже. Гораздо хуже.

Я выхожу на веранду. Солнце уже высоко. В саду поют птицы, и ветер качает ветки яблони. Где-то там, за забором, живёт Анжела Королькова с водителем-любовником, который «решает вопросы». И мой муж, который на кухне, кажется, тоже попал в список этих вопросов.

Я сажусь в кресло-качалку и смотрю на небо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.